

Екатерина Федорова

«ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ»

Екатерина Федорова родилась в Ленинграде в 1976 г. Окончила филфак Санкт-Петербургского государственного университета имени А.И. Герцена. В 2011-2013 гг. изучала греческую и итальянскую филологию в Афинском университете имени Каподистрии. Сотрудничала с различными петербургскими издательствами и информационным порталом «Такие дела». Живет в Афинах (Греция).

Экскурсия

Меня терзали три вещи: ностальгия, нереализованность и отсутствие денег. Это мои три кита, три прекрасные дамы моей горькой осени трубадура. И вот провидение щедро вознаградило меня, одновременно послав работу в качестве гида, целую толпу русских с круглыми лицами типа «кострома», ну, и гонорар.

Сердце мое растаяло, когда я увидела моих солнечноликих землячков с обожженными солнцем руками и ногами. Они тихонько кучковались у автобуса, обсуждая завтрак.

– Три кусочка колбаски на! Что это за завтрак вообще? Четыре на, звезды, называется. Что это за отель вообще? – раздражал-

ся мужик в шортах, у которого на ногах яростное южное солнце налило кумачовые генеральские лампасы. Его возмущение поддерживали багроворукие дамы неопределенного – так называемого среднего возраста, одетые в коротенькие платья с меандром по кайме.

Дорога была длинная, как история Древней Греции. Я рассказывала, с волнением ждала вопросов. Вопросов не было. Все были заняты фотографированием из окна маков и барашков. Наконец приехали в монастыри. В иконописной лавке бойко торговали божьим благословением. Ко мне подошла туристка.

– А вот это что за икона?

– Богородицы, тип «Одигитрия».

– Да нет, вы не поняли... От какой болезни помогает? Онкология? Простатит?

– Эээ, честно говоря, не в курсе.

К нам птичкой припорхнула «русскоговорящая» продавщица.

– Эта икона, товарищи, для одиноких людей, которые ищут свою вторую половинку! Намоленная 25 евро, ненамоленная 20.

– А, ну раз намоленная, то надо брать, – сказала задумчиво туристка.

Самое страшное произошло в ресторане, куда мы заехали перекусить. При виде цен в меню паломники вспомнили, что у них, вообще-то, все включено. И вот посыпались долгожданные вопросы. Правда, они отличались от тех, к которым я готовилась бессонными ночами.

«Почему это мы должны еще платить? Почему нам не завернули еду с собой?»

– Я не знаю, – промямлила я.

– Что это вы ничего не знаете? – негодовала группа. – Какой же вы гид после этого?

– Так вы это, по монастырям что-нибудь спросите, год постройки, техника фрески, – вяло отбивалась я.

– Нет, давайте выясним про питание. Мы вот возьмем – и не будем есть!

– Так вы не ешьте. Но, может быть, кто-то другой захочет и поест? – пыталась я воплотить принцип «разделяй и властвуй», обратившись к автору реплики.

– Ах, другой! Так давайте проголосуем! Давайте проведем референдум! – на последней фразе собеседник сделал крещендо.

Вообще, в тот момент я реально всем сердцем поняла тиранов и диктаторов. Демократия – штука пренеприятнейшая, если она касается непосредственно тебя. Особенно если в момент демократии стоишь с красным лицом в ресторане, и на тебя с удивлением смотрят обедающие итальянцы, которые прекрасно разбираются в крещендо. Короче, я махнула рукой, сдала полномочия и убежала от них без оглядки.

Сидела, думала. Не обновить ли парк китов, то есть не сменить ли мечту? Или проще начать снова курить?

Тем временем одна наша дама вела диалог с кассиршей. (Кассирша по ошибке налила ей две кружки чая вместо одной.)

– Ту ти фор ми? – глядя ей прямо в глаза, уверенно выговаривала славянские согласные в английских словах дама.

– What? – растерялась продавщица.

– Ошибка, – вмешалась я. – Ей одна кружка нужна.

Кассирша говорит – ну проблем, пусть берет одну.

– Нет, – говорит дама. – Я за две заплачу, раз уж побеспокоила.

Эта картинка навсегда врезалась в мою память: одинокая дама и две ее кружки чая.

Пока суть да дело, мы задержались. Увлечлись фресками. Слишком долго фотографировали пропасть.

– Товарищи, – прошептала я в микрофон, – кажется, вы опоздаете на ужин.

Я думала, они меня выкинут из автобуса, но они только поаплодировали на прощание.

Поп Спиридон

Однажды Создатель решил смастерить на скорую руку табуретку. В процессе Он незаметно отвлекся на мысли о гротеске, и под их влиянием не нарочно вылепил огромное оттопыренное ухо. Возник вопрос – что с ним делать? Не выбрасывать же. Тогда Творец сбавил еще одно – нормальное, и приставил оба к табуретке. Так на свет появился наш деревенский батюшка, отец Спиридон.

Маленького роста, неуклюжий, он все время в движении – приходится: ни дьякона, ни помощников у него нет. Он сам выносит и заносит подсвечники, поправляет микрофон, затепляет лампы, разворачивает коврики и разжигает кадило. Фактически Спиридон без остановки галопирует по храму, чтобы все успеть, время от времени выкрикивая иерейские реплики из неожиданных мест – там, где его застал момент.

Кроме того, батюшка еще и рукожоп. Тащит, например, подсвечник в алтарь, по пути – хрясь! – стукнул его о мраморную солею. Лицо его складывается в мученическую гримасу, но выразиться нельзя: за ним внимательно наблюдает весь приход.

Двери в алтарь никогда не закрываются: туда-сюда свищет банда деревенских мальчишек. Они прыгают, бегают, зажигают и гасят свечи, хватают с престола крест и преувеличенно страстно многожды его целуют – отец Спиридон и ухом не ведет.

Весь красный от напряжения, он объясняется с певчими. Клирос у него примечательный. Три ветхих хриплых старика, абсолютно лишенных слуха и голоса. Они лажают настолько уверенно, не делая даже слабой попытки попасть в ноты, что через пять минут свежему человеку начинает казаться, что он слушает не византийский чин, а вокально-инструментальный цикл Шенберга «Лунный Пьеро». Но нельзя недооценивать могучую силу привычки. Старая паства относится к додекафонии благодушно и даже рискует подпевать.

Народ в церкви своеобразный. Женщины (те, что помоложе) густо покрыты тональником, сверху практически полуголые, а снизу обуты в каблуки такой невероятной высоты и такой агрессивной формы, что вполне могли бы спровоцировать футфетишиста Тарантино на создание экзотического боевика, где глаза врагам выставляют хищными шпильками. А пока жертвы – сами женщины. Всю службу зябнут – плечи-то мерзнут! Ноги трясутся от усталости, и их приходится поджимать по очереди, как аисту, – то одну, то другую. Зачем принимать такие муки? Да просто большинство из них не замужем. Старушки, с головы до ног запеленатые в черное, придирчиво оценивают парад невест, громко обмениваясь критическими замечаниями. Мужчины, вне зависимости от возраста, искалечены физическим

трудом: почти все они хромы, с больными спинами, беззубыми ртами, глаза их красны от разорванных сосудов. Жениться они не спешат, предоставляют выбор старушкам в черном: своим мамам.

В храме стоит непрерывный гул, как в классе, где учитель-неудачник забил болт на дисциплину: одни здороваются, другие громко обсуждают домашние проблемы, третьи сплетничают.

В общем, все, абсолютно все вкривь и вкось. И среди этого хаоса мечется отец Спиридон.

Я его знаю уже много лет и не перестаю удивляться. Каждая литургия валится у него из рук. Не служба, а цирк с конями. То есть в профессиональном смысле – полное фиаско. Ни благолепия, ни авторитета. Тем не менее Спиридон бодрится. Зная, что сам несовершенен, не делает и никому другому замечаний. Оттопыренное ухо невозмутимо мелькает там и сям с неугасающей энергией. И его скромная сила заряжает тебя тем, зачем ты обычно приходишь в церковь.

В деревне, кстати, его любят.

Трудно быть богом в Греции

«Аптека на улице Ликурга открыта целый день», – гласит рекламное объявление на бетонном столбе. Главное – не забыть солнечные очки, выходя из дома. Даже если идет дождь: небо все равно скоро прояснится. Здесь так много света, как будто на это место направлен персональный софит. Свет шумный, густой, осязаемый. Он оседает на коже и волосах, вступает с ними в химическую связь, меняет их цвет, состав, суть. Проникает в кровь, направляет настроение. Греческое солнце – экстраверт, открытый для диалога с человеком. И как от любого экстраверта, от него быстро устаешь. Греческий эдемский пейзаж – доказательство того, что создатель мира запланировал для него благоденствие. Тяжкая послеполуденная жара свидетельствует, что не все пошло по плану. В два часа большинство магазинов закроется до вечера, надо спешить. Я пробираюсь по узенькой полоске, которую оставили тротуару сорные заросли олеандров.

Говорю продавцу в рыбном отделе:

– Полкило креветок, пожалуйста!

Он выбирает любовно и придирчиво, будто устраивает смотр царских невест.

– Гляньте-ка на эту! – протягивает мне ладную полную креветку.

Она вздрагивает у него на ладони. И вдруг непринужденно, как Ла Гулю, исполняет канкан.

– Обратите внимание, – продавец вдруг становится очень серьезным. – Это не я двигаю ее ножкой! Это она сама! Лучший выбор! Купите «сиди» с шумом моря, зажарьте креветок... Вот вам и лето!

* * *

Сиеста. Сонное горячее небо то и дело подрагивает, как собака, которую беспокоят блохи. Черные глянцевые ягоды обсыпали черешневое дерево. К стволу прислонена лестница: на ней дедушка собирает урожай в целлофановый пакет. Внизу в теньке стоит второй дедушка, друг. Он громко стучит крупными янтарными четками и ухмыляется.

– Ну, что-то ты мало собрал! А это кому оставил? – он взмахивает четками, указывая на оставшиеся на дереве ягоды.

– Это птицам, – сухо отзывается дедушка-сборщик и спускается с лестницы.

– Не много им? Ведь не помрут же с голоду. Еды полно.

– А мне не нужно, чтобы они были сыты. Мне нужно, чтобы они пели!

* * *

Греческий старик: фуражка с жестким козырьком, белоснежная рубашка с заглаженными на рукавах стрелками, стеганая жилетка. Щуплый. Плетется с рынка. Как тянет две набитые битком авоськи – непонятно. Внезапно его пальцы разжимаются, сумки жирно шмякаются на землю. Вместо того чтобы нагнуться и подобрать, старичок распрямляется, возводит руки вверх, будто египетский жрец, смачно плюет в небо и покрывает его обширным матерным глиссандо. Я подхожу, чтобы поднять ему сумки, – с опаской, как бы и мне не попасть под раздачу, но старичок благодарит меня несоразмерно, преувеличенно горячо:

– Спасибо, любовь моя! Спасибо, моя девочка! Вот ты настоящий человек! Всего тебе хорошего.

Потом снова смотрит на небо с ненавистью, хочет погрозить кулаком, но никак – руки-то заняты.

– У! Ну и куда ты смотрел?! – кричит он, уставившись на облако.

Трудно быть богом. Особенно в Греции: небо совсем рядом.

Глобализация

А у нас в Агиосе Стефаносе новая жертва глобализации. Соседка – итальянка Мария. Влюбилась в жителя западного, так сказать, округа, бельгийца. Сошлись в Греции, на родине Эроса. Он, как известно, товарищ незрячий, закрывает глаза на национальные стереотипы.

Бельгиец оказался нежнейшим человеком. Взгляды демонстрировал широкие, отрекомендовался гражданином мира. Имя свое назвал такое, что у чувствительной Марии защемило сердце: Микеланжело.

Дальше больше. Оказалось, что этот самый Микеланжело приехал молиться греческой иконе Богородицы о невесте, и брык – в тот же день встречает Марию. Это знак, озаряет удачливого паломника. Инсайтами экономные европейцы не разбрасываются, и потому стыковка происходит немедленно.

Начинается любовная интеграция: поездки друг к другу на выходные. Сначала за шестьсот евро на медовых эгейских авиалиниях в город-мечту Брюссель, а после того как первые восторги утихают, приходит черед прозаического Ранэйра и реалистического Шарлеруа за девяносто.

На короткой дистанции Сб-Вс Марию плющил неофитский энтузиазм: «О, как в Бельгии круто! Шоколад, пиво, зарплаты, Париж рядом, счастье есть». Потом случился «мост» – длинный уик-энд плюс праздники. Она отправилась на неделю, приехала задумчивая.

Что такое? А вот что. Во-первых, Мария, мы помним, чистокровная итальянка и, стало быть, хозная, что твой хиппи. Первым делом она налетела на микеланжеловский дом (а у успешного

бельгийца оказался большой дом, есть где самореализоваться) и убрала его в темпе престо. Бонусом выгладила рубашки.

Возлюбленный пришел после работы, выпучил глаза. И произнес сдавленным голосом: «Кексик (что значит по-бельгийски «дорогая»). Кексик, – говорит. – Не стоило этого делать. Уборка вот, и тем более глажка. Мы же еще не женаты, это не-при-лично. Да, и называй меня Микеланж, я забыл сказать, что мне так больше нравится».

Словом, ограничил толерантность к будущей жене до невозможности.

Мария таким поворотом была шокирована. Неприлично заботиться о своем избраннике! О, Дио! У средиземноморцев жирным шрифтом в генетическом коде записано – мужчину требуется обихаживать. Любая итальянка – ла мамма. Ладно. Отношения серьезные, на горизонте фата, надо смириться, перепрограммировать хромосомы.

Давай, ищет компромисс Мария, мне ориентировку, поеду за прошутто и маскарпоне, буду тебе делать пиццу и мой фирменный тирамису, аморе мио. У Микеланжа опять сложные щи. Да что ж такое, елки-палки. Выясняется: брюссельские супермаркеты расположены где-то в тьмутаракани, и ехать туда – целая история. Причем обязательно выходного дня.

Тут Мария делает в рассказе драматическую ремарку: «Если у меня будет кухня, но я не смогу на ней готовить, я сойду с ума!».

Но главное испытание влюбленных их ожидало впереди. В конце концов, можно привыкнуть не убирать, не готовить и не покупать каждый день свежие продукты. Самый страшный удар по отношениям нанес решительный пустяк, как это обычно и происходит.

Однажды Мария решила выбросить мусор. Банально вынести мешок на помойку оказалось невозможным. Жених объяснил, как его сортировать по европейской системе. Мария долго не понимала, возникло напряжение. Нарисовали в итоге схему, как раскладывать, помирились. В холостяцкой берлоге топ-менеджера нашлось много чего дифференцировать.

Чистоплотная Мария целый день копалась в отходах, сверяясь со схемой, и успешно справилась с задачей.

Пойдем, говорит, любимый, уже это все выбрасывать. А он ей – нельзя! Почему? Да так, нужный день прошел. И добавляет:

– Кстати, называй меня Микелааж, а то это французское носовое «н» мне действует на нервы.

Мария вконец расстроилась, ну и новости, в нос не говори, мусора не выброси, мама миа дорогая.

Вот тебе и либеральная Европа. Деньги, чистота, цивилизация. А что с изнанки? Ты просто винтик в государственной машине. Живешь по расписанию, причем не своему, а мусоровоза. Где свобода? Где простые человеческие радости? Это же тоталитаризм! Уже и проштутто нельзя купить!

Мария стремительно олевела. Уезжала она, будучи кротким буржуа с невинным марьяжным интересом, а вернулась грозным че геварой с разбитым сердцем. Отчаянно критикует действующие европейские режимы – все, кроме греческого. Только здесь, говорит, еще жива демократия. Почему? Очень просто. Во-первых, потому что в Греции выкидываешь мусор, когда душа пожелает. А во-вторых, тут по-прежнему курят в ресторанах.

